

A movie poster featuring a man and a woman. The man, on the right, is muscular with a beard and is wearing a black t-shirt. The woman, on the left, has long brown hair and is wearing a black dress. They are standing in a brightly lit room with large windows in the background. The title is written in large red letters at the bottom, with a stylized 'He' in black script above it. The names of the lead actors are written vertically on the left side.

АМЕЛИЯ БОРН

(He) банальная
ИЗМЕНА

Амелия Борн

(Не)банальная измена

<https://litres.ru/74574418>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Мы же с тобой «с первого класса вместе», - шутит муж горько.
- И за все, что делаем, отвечаем тоже вместе? - откликаюсь я.
- Нет, Мась, за то, что я уйду к Эле, отвечаю только я. Прости, что так вышло.

Через пятнадцать лет совместной жизни муж сообщил, что влюбился в другую и теперь будет жить с ней. И эта история была бы банальной, как тысяча подобных, если бы однажды Кирилл не вернулся и не попросил:

- Выноси для нас с Элей ребенка. Я заплачу.

Амелия Борн

(Не)банальная измена

- Мы же с тобой «с первого класса вместе», - шутит муж горько.

- И за все, что делаем, отвечаем тоже вместе? - откликаюсь я.

- Нет, Мась, за то, что я уйду к Эле, отвечаю только я. Прости, что так вышло.

Через пятнадцать лет совместной жизни муж сообщил, что влюбился в другую и теперь будет жить с ней. И эта история была бы банальной, как тысяча подобных, если бы однажды Кирилл не вернулся и не попросил:

- Выноси для нас с Элей ребенка. Я заплачу.

Возвращалась домой я поздно - солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая небо в оттенки персикового и бледно-розового. Голова была тяжелой после многочасовой работы над проектом. База отдыха требовала полной отдачи, и я вся ушла в чертежи, планировки, подбор материалов, лишь бы не оставлять мыслям свободного пространства.

Дом, который я снимала этим летом, находился в тихом загородном поселке - небольшой, деревянный, с увитой плющом верандой и яблоневым садом. Я полюбила его с первого взгляда, когда поняла, что городская квартира душит меня

знакомыми стенами, в которых слишком многое напоминало о прошлом...

О прошлом, от которого я бежала, но которое все равно настигало - редкими телефонными звонками, общими знакомыми, неосторожно брошенным словом. О прошлом, которое носило имя моего бывшего мужа.

Я притормозила у ворот, и сердце пропустило удар.

У калитки стоял Кирилл. Именно он и был олицетворением минувших дней, которые не приносили ничего, кроме боли, даже в простых воспоминаниях.

Бероев не звонил заранее, не предупреждал о визите - просто приехал и ждал, опершись бедром на хромированный бок своей Тойоты. Одет муж был в летние брюках и рубашку с закатанными рукавами, такой знакомый до рези в груди, что на мгновение мне показалось - не было этих полугода. Не было того вечера, когда он сказал про Элю.

А следом и не было моего одиночества в опустевшей квартире.

Я смотрела на него сквозь лобовое стекло и силилась понять, что чувствую. Обиду? Радость? Злость? Все смешалось в тугой комок, который подкатил к горлу и никак не хотел рассасываться. Знала лишь, что мне категорически нельзя показывать, какие эмоции до сих пор этот мужчина вызывает в душе.

- Привет, Мась, - сказал он, когда я все же вышла из машины.

Голос у него был такой же, как прежде. Ровный, спокойный, чуть усталый. Голос человека, который привык держать все под контролем - и свои эмоции, и чужие судьбы.

- Привет, - откликнулась я, и то, каким тоном я это произнесло, резануло даже меня.

Он показался мне чужим, искусственным.

- Пустишь в гости? - усмехнулся Бероев, и я пожала плечами, мол, ну заходи.

Мы направились к дому, поднялись на крыльцо. Когда оказались внутри, я зажгла свет на кухне, машинально поставила чайник, вытащила две чашки - руки делали привычную работу, пока мысли неслись куда-то в опасную сторону, в ту, где он говорит: «Я ошибся, Мась, я вернулся».

Глупо, глупо, глупо...

Я так долго убеждала себя, что больше ничего к нему не испытываю... Говорила, что пережила, перетерпела, отпустила. Но стоило ему появиться на пороге, и вся моя броня пошла трещинами, как старая штукатурка.

Странно было вспоминать сейчас времена, когда Кирилл еще был моим мужем - та жизнь казалась далекой, почти нереальной, хотя с момента его ухода прошло всего полгода. Мы познакомились так давно, что я порой забывала, какой была до него. Он ворвался в мою жизнь, перевернул ее, сделал яркой, полной, а потом - в один вечер - оставил от нее только пепел.

- Как проект? - спросил Кирилл, усаживаясь за стол.

- Двигается, - просто ответила я.

- Хорошо.

Вот и все. Никаких - прости меня, я все осознал. Ничего подобного. Словно он проехал пять десятков километров для того, чтобы обменяться со мной ничего не значащими новостями.

Чайник щелкнул, закипев. Я налила нам улуна - ему без сахара, себе с ложкой меда. Мы сидели друг напротив друга, как тысячи раз до этого, и я ненавидела себя за предательскую мысль, которая билась в висках: а вдруг?..

- Мась, - сказал он, и что-то в его интонации заставило меня напрячься. - У меня серьезный разговор.

Я кивнула, не поднимая глаз. Сердце колотилось так громко, что, казалось, муж способен услышать его стук.

Сейчас он скажет то, о чем я даже не мыслила - на это не было никакой надежды. Сейчас он произнесет слова, которые перечеркнут эти полгода боли, и все вернется на круги своя... Я ведь его приму, не так ли? Не могу не принять, ведь без него - смерть.

- Выноси для нас с Элей ребенка, - неожиданно проговорил Кирилл и добавил поспешно: - Я заплачу.

Мир замер, сузился до одной точки, в которой было лишь лицо Бероева.

Я смотрела на его губы, на то, как они сомкнулись, произнеся последнее слово. Смотрела в его глаза - темные, серьезные, в них не было и тени сомнения. А сама не верила

в то, что слышала.

- Что? - выдохнула я, наконец отвиснув.

- Эля не может выносить сама, - тут же заговорил Кир. - После онкологии врачи запретили. У нее заморожены яйцеклетки, здорова матка... но вынашивать нельзя. А ты здорова. И...

Он сделал паузу, будто подбирая слова, которые меня бы не ранили. Но таких слов не существовало в природе в принципе.

- И мы с тобой пятнадцать лет были вместе, - закончил он. - Ты - единственный человек, которому я могу это доверить.

Меня затошнило. Воздух стал вязким, спертым, чужим. Я вцепилась пальцами в край стола, чтобы удержаться в реальности, которая вдруг поплыла перед глазами.

Пятнадцать лет. Наша общая беда - ребенок, которого мы потеряли. Ребенок, о котором мы так и не смогли говорить, просто закопали боль глубоко внутри и сосредоточились друг на друге, словно это могло заменить то, что ушло. И теперь этот мужчина - мой мужчина, которого я все еще, прости господи, любила, несмотря ни на что - сидел напротив и предлагал мне стать инкубатором для его новой семьи!

За деньги.

- Ты понимаешь, что сейчас сказал? - прохрипела в ответ.

- Понимаю, - просто кивнул Бероев.

- Ты ушел к другой женщине, оставил меня. Ты полгода звонил мне, и я каждый раз надеялась... - голос сорвался, и

я замолчала, прикусив губу.

Он смотрел на меня внимательно, и в его взгляде было что-то, что я не могла разгадать. Мне нельзя было во всем этом признаваться, но чертовы слова уже сорвались с губ. Впрочем, Кирилл сделал вид, что он не заметил.

- Мась, я знаю, как это звучит, - сказал он. - Но пойми: Эля хочет ребенка. Я хочу ребенка. Мы не можем сами. А ты...

- А я - что? - перебила, и в голосе зазвенели слезы. - Удобный вариант? Проверенный человек, которого не жалко использовать до конца?

- Ты - единственная, кому я доверяю! - повторил он с нажимом.

Я поднялась и тяжело оперлась руками на стол. Чай остывал в чашках, вечерний свет за окном почти погас, и кухня погрузилась в полумрак, в котором лицо Кирилла казалось вырезанным из тени.

- Уходи, - сказала я. - Пожалуйста. Сейчас.

Он не спорил. Поднялся - медленно, будто ждал, что я передумаю. Поправил рубашку, взял ключи от машины, которые бросил на стол десятью минутами ранее. У порога обернулся.

- Я не тороплю с ответом, - сказал он. - Подумай.

И покинул мое общество, без споров, наверняка зная, что именно этим и закончится.

Дверь закрылась за ним мягко, почти бесшумно. А я осталась стоять посреди кухни, глядя в темноту за окном, где

немногим позже он завел машину и уехал.

Бероев предлагал мне выносить ребенка для женщины, к которой ушел...

И самое страшное было даже не это. Самое страшное было то, что я все еще его любила. И эта любовь, которую я считала похороненной, сейчас рвала меня изнутри, заставляя сомневаться в том, что я знала о себе.

Я опустилась на стул и долго сидела в тишине, слушая, как потрескивают доски старого дома, остывая после жаркого дня.

Это было крушение всех моих надежд, таких идиотских, таких несбыточных... Ему нужен был ребенок для другой.

А я в этом всем являлась лишь инкубатором.

Так больно мне не было даже в момент, когда он признался, что влюбился в другую...

Полгода назад

В тот вечер я закончила проект.

Не просто какой-то рядовой заказ, а очень масштабный, вымотавший мне все нервы за последние три месяца. Огромный особняк для одной известной в городе семьи, которая трижды меняла концепцию и дважды - бюджет. Когда я отправила финальные чертежи и получила короткое «принято», меня накрыло чувством, похожим на эйфорию.

Хотелось праздника - выдохнуть, открыть бутылку вина и посидеть с Кириллом на нашей кухне. Почувствовать, что жизнь снова вошла в нормальную колею.

Последние месяцы были странными. Кирилл стал каким-то... далеким. Он уходил раньше, возвращался позже, на мои вопросы отвечал односложно: работа, партнеры, новые контракты. Я списывала все на усталость - его фирма как раз выходила на новый уровень, и это требовало полной отдачи. Но червячок сомнения уже поселился где-то под сердцем и точил, точил, точил...

В тот вечер я гнала от себя эти мысли. Проект сдан, на душе легко, и я хотела разделить эту легкость с мужем. С моим мужем, с которым мы были вместе пятнадцать лет. За плечами у нас стояло столько всего хорошего и плохого, что, казалось, никакая сила не способна нас разлучить.

Я заказала еду в нашем любимом ресторанчике - в том самом, куда мы ходили на первое свидание. Там знали наши вкусы и даже помнили, что у Кирилла аллергия на грецкий орех. Мне оставалось только красиво сервировать стол: белая скатерть, свечи в стеклянных подсвечниках, его любимые салфетки с вышивкой. Руки порхали над столом, пока я расставляла приборы и думала, какое платье надеть. То синее, которое он купил мне в Милане три года назад? Или новое, шелковое, которое я приобрела месяц назад, но так и не успела показать?

Я не помню, какое выбрала в итоге. Помню только, что стояла у зеркала в прихожей, когда услышала звук ключа в замке.

- Я дома, - сказал Кирилл.

Он вошел, поставил портфель у двери, и я сразу поняла: что-то случилось. По его лицу, которое было каким-то... чужим. А может, оно таким стало уже давно, просто я только сейчас посмотрела на мужа иными глазами?

- Привет, - сказала я. - А у нас праздник.

- Какой?

- Проект сдала. Особняк, помнишь, я рассказывала? Тот самый, с капризными заказчиками. Все приняли!

- Поздравляю.

Он произнес это слово ровно. Без улыбки, без тепла, без привычного «моя умница», которое я слышала каждый раз, когда у меня что-то получалось. И червячок под сердцем зашевелился сильнее.

- Я ужин заказала, - продолжила, стараясь не замечать холода, который потянуло от его слов. - Из «Флоренции». Твое любимое ризотто, и еще...

- Мась, - перебил он, и сердце ухнуло куда-то вниз. - Нам надо поговорить. Серьезно.

Я стояла посреди гостиной в новом платье, которое он так и не заметил, и чувствовала, как праздничное настроение меркнет, словно гирлянда, в которой садится батарейка.

Мы сели за стол. Свечи еще не горели - я не успела их зажечь, и теперь, глядя на бледные восковые столбики, почему-то понимала: уже не зажгу.

- Я хочу, чтобы ты меня выслушала, - сказал Кирилл. - И постаралась понять. Мы с тобой столько лет вместе, что ты

уже стала мне родным человеком. Больше, чем женой.

Я напряглась. Что-то в его словах царапнуло - не сами слова, а то, как он их произнес. Слишком осторожно, слишком бережно. Так говорят с тяжелобольными, которым боится сообщить диагноз.

- Кир, что происходит? - выдохнула, не смея строить предположений.

Он помолчал. Посмотрел в сторону - на окно, за которым уже погас зимний вечер. Потом повернулся и сказал с кривой усмешкой, в которой не было ни капли веселья:

- Мы же с тобой «с первого класса вместе».

Я узнала цитату. Он процитировал фильм специально - чтобы смягчить то, что собирался сказать дальше. И от этого мне стало еще страшнее.

- И за все, что делаем, отвечаем тоже вместе? - откликнулась я глухо.

Хотелось вскочить и убежать, потому что я понимала - меня ожидает неизбежность. Но я оставалась на месте, словно приклеилась к стулу.

- Нет, Мась, - сказал он. - За то, что я влюбился в другую, отвечаю только я. Прости, что так вышло.

Я сидела и смотрела на мужчину, с которым прожила пятнадцать лет, и не узнавала его. Мне казалось, что все сказанное шутка...

Прости, что так вышло? Он сейчас серьезно? После того, что мы с ним пережили вместе? После той боли, той потреб-

ности друг в друге, которую мы испытывали?

- Расскажи, - попросила я, сама не понимая, зачем мне это нужно.

И он рассказал.

Партнер попросил денег на лечение какой-то девушки. Онкология, требуется срочная помощь, все серьезно. Кирилл не отказал - у него в принципе была репутация человека, который помогает, когда просят. Он дал сумму, достаточную для полного курса, и забыл об этом. А через несколько месяцев она приехала, чтобы поблагодарить лично.

Эля - так называл ее только он, мой муж. Для всех остальных она была Эллой.

Ей было двадцать семь. Она только что победила болезнь и смотрела на мир так, словно заново училась в нем жить. Она приехала к нему в офис - тоненькая, светлая, с глазами, в которых плескалась благодарность пополам с усталостью. Сказала, что обязана ему жизнью и никогда этого не забудет.

Он именно так все и рассказывал - в подробностях, как будто прямо сейчас видел ее воочию... Он действительно влюбился - я это понимала. Понимала и умирала - мучительно медленно.

- Я не планировал ничего, - говорил Кирилл, и его голос доносился до меня как сквозь вату. - Мы просто стали общаться. Сначала о делах, потом о книгах, потом обо всем на свете. У нас нашлось много общего. Я не думал, что это куда-то приведет, Мась, честно. Я даже не замечал, как...

- Как влюблялся, - закончила я за него.

- Да.

Все. Это был конец. У мужчины, сидящего напротив меня, больше не имелось тех чувств в мою сторону, что были там раньше.

Все!

- Сначала я гнал от себя эти мысли, - продолжал он. - Говорил себе: у тебя жена, пятнадцать лет брака, у тебя общая жизнь. Но потом...

Он замолчал, и я молчала тоже.

- Потом случился поцелуй, - сказал он. - И у меня сорвало крышу. Я понял, что не хочу останавливаться. Но я остановил себя, Мась, клянусь! Я не хотел позволять себе большего, пока не поговорю с тобой. Я хотел быть честным.

Честным. Он хотел быть честным!

Я вцепилась в эту честность, как в последнюю соломинку.

- Если между вами ничего не было, - заговорила быстро, и голос предательски задрожал, - если вы не спали вместе, то еще можно все исправить! Можно обратиться к психологу, можно...

- Нет!

Он обрушил на меня еще один приговор, словно был отъявленным палачом, зачитывающим, какое наказание меня ждет за прегрешение, которого я не совершала...

- Нет, Мась. Все решено.

И тогда я затараторила, ненавидя себя за эту слабость:

- Кирилл, я не держу на тебя зла, мы можем все исправить...

- Нет, Мась! - повторил он с нажимом. - Я не хочу ничего исправлять. Я хочу быть с Эллой. Она меня уже ждет.

Я замолчала. Все слова кончились разом, будто кто-то выключил звук в моей голове. Остался лишь образ женщины, которая ждала моего мужа где-то там, за пределами нашего дома, нашего брака, нашей жизни.

Он встал. Прошел в спальню, и я услышала знакомый звук - шорох плечиков, щелчки замков на чемодане. Он собирал вещи, будто планировал уехать в командировку, но я уже знала - никакая это не рабочая поездка. Он от меня уходит...

Я не пошла за Киром. Сидела за столом с приборами на две персоны, и смотрела на незажженные свечи. В голове билась только одна мысль: «она его ждет». Эта женщина ждет его прямо сейчас, пока я сижу тут и пытаюсь понять, в какой момент мой муж перестал мне принадлежать.

Он вышел из спальни с чемоданом. Остановился в дверях гостиной, посмотрел на меня, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на жалость.

- Прости, - сказал он. - Правда, прости.

Я не ответила. А через мгновение уже смотрела на дверь, за которой он скрылся, и слушала, как стихает звук его шагов на лестнице. А потом тишина накрыла меня целиком - плотная, удушливая, беспросветная. В ней не было и намека на какое-то подобие звука...

Он подал на развод через неделю. Я подписала документы, не читая. Мне было все равно.

С тех пор прошло полгода. Я научилась жить одна, научилась не плакать по ночам, научилась заполнять пустоту работой и усталостью. Научилась не думать о нем - или думать так, чтобы не было больно.

Но когда он приехал на мой загородный дом и сказал: «Выноси для нас с Элей ребенка», - я поняла, что ничего не прошло.

Ничего не забылось.

И самое страшное - я все еще любила его. Любила того, прежнего Кирилла, который остался там, в прошлой жизни, за полгода до этого вечера.

Что же мне делать сейчас? Как сражаться с тем, что он вновь во мне разбудил?

Наши дни

Следующим утром я позвонила папе.

Это было первое, что пришло в голову, когда я открыла глаза и поняла: вчерашний вечер мне не приснился. Кирилл действительно сидел на моей кухне, действительно смотрел мне в глаза и действительно предлагал стать суррогатной матерью для своей новой женщины. За деньги.

Меня передернуло, стоило только мысленно воспроизвести эту сцену.

Папа взял трубку после второго гудка. Голос у него был бодрый, чуть удивленный - я редко звонила по утрам, обыч-

но мы созванивались вечерами, когда рабочий день оставался позади.

- Машуль, что-то случилось? - тут же встревожился он.

И я попросила, не откладывая в долгий ящик:

- Пап, давай встретимся. Сегодня, если сможешь. Это не телефонный разговор.

Он не стал расспрашивать, просто назвал время и место - наше любимое кафе в центре, то самое, куда мы ходили еще с мамой. После ее смерти это место стало нашим с папой убежищем. Мы приходили туда, когда нужно было поговорить о чем-то важном или просто помолчать вместе.

Я приехала первой. Заняла столик у окна, заказала себе зеленый чай и папе его любимый капучино с корицей. Бариста помнил наш заказ - мы появлялись здесь раз в месяц стабильно, и эта предсказуемость сейчас казалась спасительной.

Папа вошел, и я сразу заметила, что он волнуется, хоть и старается не показывать этого. Но я слишком хорошо знала его лицо - морщинка между бровей стала глубже, чем обычно, а улыбка вышла чуть натянутой.

- Ну, рассказывай, - сказал он, усаживаясь напротив.

И я рассказала, не таясь. Самой нужно было воспроизвести все еще раз, чтобы понять: насколько глубока та степень шока, в которую меня погрузил бывший муж.

Папа слушал молча, но ловил каждое слово. А когда я закончила, он отвел взгляд, посмотрел в окно, а потом тихо, но очень отчетливо произнес:

- Сволочь.

Я не стала спорить - определение было точнее не придумаешь.

- Я понимаю, что это звучит дико, - сказала я. - Понимаю, что он перешел все границы. Но, пап... я до сих пор его...

Я не договорила, но в этом и не было необходимости. Отец все знал и так.

- Любишь, - закончил он за меня.

Я кивнула, чувствуя, как к горлу подкатывает ком.

Папа помолчал еще минуту. Отпил кофе, поставил чашку на блюдце, посмотрел на меня тем самым взглядом, который появился у него после маминой смерти - взором человека, который понимает, что его ребенок ранен, и хочет защитить от опасности любой ценой.

- Знаешь, Машуль, - сказал он, и голос его изменился, стал жестче, - твой бывший муж играет с тобой в какую-то очень грязную игру. Он считает, что можно приехать, бросить тебе под нос это предложение и спокойно ждать ответа, будто ты - какой-то робот, а не живой человек. Будто твои чувства - это опция, которую можно не учитывать.

- Так и есть, - прошептала я.

Именно таким образом все и обстояло. Спорить с этим было бессмысленно.

- Тогда сыграй с ним, - продолжил папа, и я посмотрела на него с непониманием.

- Что? - только и смогла выдохнуть.

Папа чуть подался вперед, и в его глазах мелькнуло то, чего я давно в них не видела. Холодный, расчетливый азарт. А следом он заговорил:

- Он предлагает тебе сделку? Предложи в ответ свою! Скажи ему: хорошо, Кирилл, я согласна. Но не так. Никакого ЭКО и мучений, которые с ним связаны. Давай попробуем естественным путем. Ты возвращаешься ко мне на три месяца, мы живем вместе, спим вместе, пытаемся зачать. Если не получится - тогда да. Будут пробирки, ваши с Эллой клетки и что там еще нужно.

У меня перехватило дыхание, а глаза округлились. То, что говорил отец - это было за гранью.

- Папа, ты понимаешь, что предлагаешь? - выдохнула хрипло.

- Понимаю, - он кивнул. - Я предлагаю тебе показать ему, каково это - когда с тобой играют. Он думает, что ты примешь его условия без торга. А ты не принимай - выдвини свои.

- Но если я... если вдруг получится? - прошептала в ответ. Даже представлять не желала, что будет, если залечу. Конечно, думать об этом было чем-то из разряда фантастики, но если все же допустить такое... Уж конечно, я бы никогда в жизни не отдала своего ребенка никому. А уж бывшему мужу и его любовнице - тем более.

Отца же было не смутить вопросом. Он пожал плечами и ответил спокойно:

- Принимай противозачаточные, Маша. Зачем тебе ребенок от предателя?

Да уж... Отец был прав. Но его слова резанули остро, поживому. Там, глубоко внутри, еще жила память о нашей общей с Кириллом беде. О том ребенке, которого мы потеряли.

А если бы он выжил? Случилась бы у Кира эта страсть к Эле? Или все пошло бы иначе?

- Я не знаю, смогу ли я так, - честно сказала в ответ.

- А ты не решай сейчас. Возьми паузу и дай себе три дня. Подумай не о нем, не обо мне, а о себе. О том, чего ты хочешь на самом деле. Если тебе необходимо его послать на три буквы - шли! И не слушай, что я тут тебе наболтал.

Я кивнула. Мы допили кофе почти молча, а потом папа обнял меня у выхода и сказал тихо, на ухо:

- Что бы ты ни решила, я с тобой. Но помни: он тебя недостойн. Никогда не был достоин, если позволил себе то, к чему вы пришли.

Возвращаясь домой, я погрузилась в раздумья. И мысли атаковали меня весь вечер, всю ночь, весь следующий день. Слова отца крутились в голове, как заезженная пластинка: «Сыграй с ним, но тебе не нужен ребенок от предателя».

Понимала одно: простить Кирилла я не смогу. Даже если он вдруг одумается и приползет обратно - нет. То, что он сделал тогда, полгода назад, и то, что он предложил сейчас, перечеркнуло все.

Но месть? Игра? Потребность показать ему, каково это,

когда по твоим чувствам топчутся, как будто они не живые... Это была чужая территория. Я никогда не играла с людьми, никогда не мстила. Я была той женщиной, которая тихо уходит в тень и зализывает раны в одиночестве.

Отец предлагал мне выйти из тени и ударить в ответ. И принять решение в этом случае было крайне тяжело...

Прошло три дня. Я так и не позвонила Кириллу, так и не дала ответа. Решение все еще зрело где-то внутри, неоформленное, зыбкое.

На третий вечер я возвращалась домой с объекта - база отдыха наконец начала обретать реальные очертания, и я провела на площадке почти восемь часов. Устала так, что у меня было лишь одно-единственное желание - принять душ и рухнуть в постель.

Когда увидела, что возле ворот моего дома стоит знакомая машина, сердце застучало быстрее, а после вообще едва ли не остановилось.

Кирилл приехал снова, наверняка за ответом. Но на этот раз - не один. Рядом с ним на пассажирском сидении я увидела женщину.

Светлые волосы, тонкий профиль. Она чуть повернула голову, и я успела заметить огромные глаза на бледном, почти прозрачном лице.

Элла.

Он привез ее. К моему дому, в мою жизнь... Сделал это без спроса, и я знала, зачем именно. Они планировали ата-

ковать меня вдвоем...

Я заглушила мотор и замерла, вцепившись в руль.

Кир и Элла вышли из машины одновременно. Но она остановилась, дождалась Бероева, и когда Кирилл подошел к ней - он тут же придержал ее за локоть. Очень бережно, словно она была сделана из хрусталя, и могла развалиться в любой момент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.